

ХРОНИКИ ЗАСТЫВШИХ МИРОВ

— ЭПОХА ЛОНДОНА —

— АНДРЕЙ ДОМИНО —

18+

Андрей Домино

**Хроники застывших
миров. Эпоха Лондона**

«Автор»

2026

Домино А.

Хроники застывших миров. Эпоха Лондона / А. Домино —
«Автор», 2026

Вместе с даром живописца Макс Вертон унаследовал от деда старый особняк и тайную коллекцию картин. Каждое полотно — это незавершенная историческая эпоха: от гладиаторских боев Древнего Рима и самурайской Японии до туманных набережных Темзы. Настоящая тайна раскрывается ночью. Засыпая, Макс физически просыпается внутри этих полотен. Оказывается, этот мир сделан из краски, а твердый викторианский камень можно размазать пальцем, как невысохшее масло, если в руках дедовская кисть. Макс понимает, что дед перед смертью искал его, чтобы внук завершил его главную работу. Но чем глубже Макс погружается в прошлое, тем отчетливее видит пугающую деталь: на каждом полотне сквозь века за ним следует злобный Человек без лица. Сможет ли обычный художник разгадать тайну семьи, если на него открыл охоту чужак, готовый навсегда стереть его жизнь?

© Домино А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Где я?	5
Глава 2. Чужак	9
Глава 3	12

Андрей Домино

Хроники застывших миров. Эпоха Лондона

Глава 1. Где я?

— Картина лишена чувств, Макс. В ней нет души, понимаешь? Техника хороша, но... мимо, — эти слова куратора галереи до сих пор звенели у меня в ушах, выжигая всё изнутри.

Как же они меня задолбали. Я вкладывал в этот холст всего себя последние полгода. Не спал ночами, дышал токсичным растворителем, стирал пальцы в кровь, выбирая идеальный оттенок для тени, а этим зажавшимся критикам вечно чего-то не хватало. Злость душила, перерастая в глухую обиду. Сжав кулаки в карманах куртки, я почти бежал по сырым городским улицам, не замечая прохожих.

Дома я даже не стал зажигать свет. В полумраке моей крошечной съемной конуры отвергнутый холст на мольберте казался уродливым черным пятном. Я швырнул рюкзак в угол, прямо на кучу пустых тюбиков из-под белил, и без сил повалился на кровать прямо в одежде. Глаза жгло от усталости. Я смотрел на свои ладони, ввевшуюся под ногти зеленую краску, и чувствовал себя полным ничтожеством. Сознание сдалось первым — я мгновенно провалился в тяжелый, душный сон без сновидений.

Бзз... Бзз...

Резкое жужжание телефона под подушкой буквально выдернуло меня из темноты. Голова раскалывалась, во рту пересохло. — Ну кто там еще... — пробормотал я, вслепую шаря рукой по матрасу. На экране светился незнакомый городской номер. Который там час? Оказывается, я проспал до полудня. — Да? Слушаю.

— Макс Вертон? — раздался в трубке сухой, официальный голос. — Мы с прискорбием вынуждены сообщить вам о смерти вашего дедушки, Альберта Вертона. Он оставил завещание, по которому имущество переходит вам. Вам необходимо приехать к его загородному дому. Карл, поверенный вашего деда, будет ждать вас там сегодня. Адрес мы вышлем в СМС.

— Вот как... — внутри всё похолодело. Обида на галерею мгновенно испарилась, уступив место давящей пустоте. — Хорошо, я понял. — Будем ждать. Всего доброго.

Короткие гудки. Я отложил телефон и отрешенно посмотрел в окно, по которому лениво стекли капли затяжного осеннего дождя. Наверное, я до конца не верил, что тебя больше нет, дедушка. Ты покинул меня в самое паршивое время. А ведь именно ты когда-то вложил мне в руку первую кисть и доказал, что для таких, как мы, этот кусок дерева с ворсом — абсолютно всё. Мы не общались почти год — старик вечно уходил в свои творческие запой и отключал телефон, а я был слишком занят штурмом столичных галерей. И вот теперь... всё кончено.

Дорога заняла почти два часа. Старый пригородный автобус лениво тащился через серые промзоны и пустые раскисшие поля. Пассажиры дремали, колеса монотонно шуршали по мокрому асфальту, а я всю дорогу тупо смотрел на свое отражение в грязном стекле. В голове крутился один и тот же вопрос: почему дед провел свои последние месяцы в глуши, оборвав все связи?

Когда автобус наконец высадил меня на безлюдном полустанке, дождь сменился резким, морозным ветром. Я поднял воротник кофты и пошел по размытой грунтовке в сторону старого поселка. Вокруг стоял глухой ноябрьский лес. Еще через десять минут из-за голых верхушек деревьев показались высокие кованые ворота и остроконечная крыша массивного двухэтажного особняка.

У ворот меня уже ждали.

На фоне серых, голых деревьев и потемневшего от сырости кирпича этот человек выглядел так, словно сбежал с выставки авангардистов. Ему было на вид лет шестьдесят, с аккуратно уложенными седыми волосами, но одет он был вызывающе: в ярко-красный пиджак и строгие брюки. Его туфли блестели на холодном ноябрьском солнце так яростно, будто грязь здешних мест их вообще не касалась. Он стоял, оперевшись на крыло припаркованного автомобиля, и отстранено курил, выпуская изо рта струйки белого дыма, которые тут же уносил ветер. Взгляд у него при этом был тяжелым и уставшим.

— Здравствуйте, я Макс Вертон, — нерешительно представился я, разглядывая незнакомца.

— Знаю, — мужчина сухо кивнул, даже не протянув руки для приветствия. — Меня зовут Карл. Я... старый знакомый твоего деда. Мы когда-то имели общие дела.

Он говорил короткими, рублеными фразами, словно куда-то спешил или очень не хотел здесь находиться. Карл полез в карман пиджака и выудил оттуда массивную связку старых ключей.

— По завещанию особняк и всё, что внутри, переходит тебе. Держи. — Ключи со звоном переключались в мою ладонь.

— Пойдите, — я нахмурился, перебирая холодный металл. — А как же нотариус? И... дедушка оставил какие-то распоряжения? Он ведь работал над чем-то в последние месяцы. Вы не знаете, где его последние картины?

Карл странно посмотрел на меня. В его глазах на мгновение мелькнуло что-то похожее на страх, смешанный с жалостью. Он поправил манжет пиджака и сделал шаг назад, к своей машине. — Всё внутри, Макс. Твой дед заперся в этом доме полгода назад и никого не впускал. Если хочешь найти его работу — иди на чердак. Он бредил ей перед смертью. И... искал тебя

— Искал меня? Зачем? — я сделал шаг к нему, чувствуя, как по спине пробежал холодок. — Сам спросишь у его холстов, — отрезал Карл, садясь в автомобиль. Перед тем как захлопнуть дверь, он опустил стекло и тихо, почти злое добавил: — И мой тебе совет, Вертон. Если найдешь на чердаке незаконченное полотно... не прикасайся к нему. Оставь всё как есть и продай этот чертов дом.

Двигатель взревел, и машина Карла рванула с места, оставив меня в облаке выхлопных газов перед закрытыми воротами.

Я повернулся и посмотрел на старый дедовский дом. Внутри колыхался душный коктейль из эмоций. С одной стороны — эгоистичная радость: мне достался дорогой особняк и куча холстов. С другой — глухая, давящая грусть. Деда больше нет. Мы не виделись почти год. Он вечно уходил в творческие запой и не выходил на связь неделями, а я... а я последние полгода был слишком занят своей дурацкой картиной для галереи. Которая в итоге оказалась никому не нужна. На что я потратил это время?

Карл уехал, оставив меня наедине с тяжелой связкой в руке. Я не стал сразу открывать ворота. Вместо этого я решил просто постоять на улице и подышать приятным, морозным воздухом. Холод обжигал легкие, помогая немного протрезветь от нахлынувших новостей, собраться с мыслями и найти в себе силы войти внутрь. Я смотрел на этот огромный дом и пытался осознать, что теперь всё это принадлежит мне.

Сделав глубокий вдох, я решительно шагнул к крыльцу. Старый латунный ключ с тихим щелчком провернулся в замке.

Я вошел внутрь и запер за собой дверь, отсекая звуки внешнего мира. Дом встретил меня прохладой и тишиной, которая обычно бывает в музеях после закрытия. Я прошел вглубь коридора. На стенах висели дедовские работы — яркие, сочные пейзажи, от которых веяло невероятной силой. Я смотрел на них, и внутри снова заворочалась утренняя обида на критиков. "В моих картинах нет души?" Да если бы они увидели хотя бы один из этих набросков, они бы задохнулись от зависти. Но дедушка скрывал свои лучшие вещи здесь, в глуши.

Коридор привел меня в просторную гостиную, совмещенную с библиотекой. Здесь царил монументальный, слегка пугающий беспорядок. Массивный камин из темного камня был забит серой золой, а над ним красовалась пустая деревянная рама — холст из нее кто-то грубо вырезал ножом. Огромный кожаный диван и кресла стояли укрытые белыми простынями, из-за чего мебель казалась призраками, застывшими в полумраке. Вдоль стен тянулись дубовые стеллажи, до самого потолка забитые книгами по искусству, анатомии и старинными атласами. На журнальном столике сиротливо лежала дедовская трубка и раскрытый блокнот с какими-то набросками, покрытые тонким слоем пыли. Всё здесь дышало одиночеством человека, который сознательно отгородился от остального мира.

Я провел пальцем по корешкам книг, сдул пылинки с дедовского кресла и понял, что меня неудержимо тянет вверх. Секреты этого дома явно прятались не среди старой мебели.

Я поднялся по лестнице на второй этаж. Шаг за шагом, мимо закрытых дверей гостевых комнат. На самом верху лестница упиралась в глухую деревянную дверь с массивным засовом. Чердак.

Карл сказал, что дед просил меня закончить его лучшую картину. Что-то подсказывало мне, что она ждет меня именно там, за этой дверью...

Слова Карла прочно засели в голове. «Не прикасайся к нему». Ага, конечно. Живописцу, который по уши погряз в творческом кризисе, говорят не смотреть на картину, ради которой его собственный дед заперся от всего мира. Это сработало с точностью до наоборот — теперь меня буквально лихорадило от любопытства.

Тяжелый железный засов поддался не сразу. Он заскрежетал, осыпая мои пальцы ржавой крошкой, и сорвался с пазов с оглушительным щелчком, который эхом разнесся по пустому дому. Я потянул дверь на себя. Она отворилась с натужным, зловещим скрипом.

На чердаке царил полумрак. Единственным источником света было большое круглое окно в дальнем конце помещения, похожее на иллюминатор старого корабля. Сквозь него пробивался блеклый дневной свет, в котором лениво кружились миллиарды серых пылинок.

Здесь пахло совсем иначе, нежели на первом этаже. Запахи старой мебели отступили, уступив место концентрированному, почти удушливому аромату свежего лака, подрамников и сухих пигментов. Дедушка действительно устроил здесь свое последнее прибежище.

Вдоль стен, словно застывшие стражники, стояли десятки холстов. Одни были повернуты лицом к деревянным балкам, другие — накрыты серой мешковиной от пыли. Под ногами путались пустые тюбики от масляных красок, обломки угля для набросков и горы исписанной бумаги. Но мое внимание сразу приковал центр комнаты.

Я медленно подошел ближе. Сердце колотилось где-то в горле. В полумраке я случайно задел ногой старую дедовскую палитру, и с нее с тихим стуком покатилась толстая деревянная кисть. Я перехватил ее на лету и, даже не думая, на автопилоте сунул в задний карман джинсов.

Пройдя чуть вглубь, я замер. Возле окна, укрытые плотной темной тканью, стояли три массивных подрамника. Одинакового размера, они выделялись на фоне остального творческого хаоса.

Подойдя к первому, я сдернул покрывало. С холста на меня дохнуло пугающей монументальностью. Это был Древний Рим. Огромный амфитеатр, залитый безжалостным полуденным солнцем, ревушая многотысячная толпа и гладиатор на арене, занесший меч над поверженным противником. Картина дышала яростью и золотым блеском. Техника мазков была безупречной — дед мастерски передал динамику боя, но... силуэты судей на трибунах казались слегка размытыми, словно картину не успели прописать до конца.

Я перешел ко второму холсту и сорвал ткань. Контраст был ошеломляющим. Никакой европейской архитектуры — передо мной раскинулся утонченный и одновременно пугающий мир феодальной Японии. Склоны заснеженной горы Фудзи, цветущие сады сакуры, утопающие в розовых лепестках, и изящные деревянные пагоды. Но мирным этот пейзаж не был: на узкой

тропе у бамбуковой рощи застыли в боевых позах самураи в грозных доспехах, с обнаженными катанами в руках. Картина дышала скрытой угрозой. Я удивленно потер глаза. Дед всегда писал классические русские или европейские пейзажи. Откуда в его мастерской полотно, выполненное в эстетике традиционных японских гравюр укиё-э? Эта работа тоже выглядело незавершенной — дальний план, где виднелся замок феодала, тонул в странных, резких мазках черной туши, словно автор резко бросил работу.

Наконец, я повернулся к третьему мольберту, который стоял в самом центре, прямо под лучом света из круглого окна. Бархат поглощал свет, делая картину похожей на зияющую дыру посреди чердака. Зажав край пальцами, я резко дернул ткань в сторону.

На меня дохнуло... холодом. Будто из открытого окна зимой.

Передо мной был Лондон. Викторианский, мрачный, пугающе живой Лондон. На холсте раскинулась набережная Темзы, утопающая в густом, серо-желтом тумане. Свет редких газовых фонарей отражался в мокрой брусчатке грязными золотыми мазками. Вдали угадывались силуэты готических крыш и тяжелые очертания Тауэрского моста. Техника была невероятной — дед никогда так не писал. Каждый мазок казался настолько рельефным и объемным, что туман на картине, казалось, шевелился.

Я заворуженно подался вперед, вглядываясь в детали, и вдруг замер. На переднем плане, среди смазанных фигур прохожих в цилиндрах, стоял человек. Он был написан четче остальных. Длинное темное пальто, трость... но вместо лица у него было сплошное, абсолютно гладкое пятно телесного цвета. И этот безликий силуэт был повернут не к Темзе, а прямо на меня. Словно он смотрел на того, кто стоит перед мольбертом.

От этого взгляда по коже пробежали мурашки. Голова внезапно стала тяжелой, перед глазами всё поплыло, а колени подогнулись. Навалилась такая дикая, свинцовая усталость, будто я не спал несколько суток. Кое-как нащупав позади себя старое дедовское кресло-качалку, я рухнул в него. Глаза закрывались сами собой. Последнее, что я запомнил перед тем, как провалиться в темноту — это тихий, едва слышный стук колес по брусчатке, донесшийся... прямо из рамы.

В лицо ударил резкий, ледяной порыв ветра. Я судорожно вздохнул и закашлялся — горло мгновенно обожгло густым, едким дымом с привкусом угля и речной сырости.

Качалка под моей спиной исчезла. Вместо нее я почувствовал жесткие, мокрые камни. Кое-как разлепив веки, я зажмурился от тусклого желтого света, горевшего где-то высоко над мной. Вокруг клубился плотный, серо-желтый туман, сквозь который едва угадывались очертания кирпичных стен. Из темноты доносился отчетливый цокот копыт и грохот железных колес.

Я попытался подняться, опираясь ладонями на ледяную, грязную брусчатку, и испуганно огляделся по сторонам.

Где я?

Глава 2. Чужак

Холод пробирал до костей. Я сидел на корточках, вжавшись спиной в склизкую кирпичную стену, и не мог заставить себя подняться. Кроссовки по щиколотку ушли в какую-то жижу, от которой разило тухлой рыбой, конским навозом и сыростью.

— Это сон. Просто очень яркий, осознанный сон, — хрипло прошептал я, и изо рта вырвалось облачко густого пара.

Голос прозвучал как-то глухо, утонув в плотном тумане. Я с силой уцепился за предплечье. Боль оказалась резкой, настоящей. Я зажмурился, досчитал до пяти и резко открыл глаза, надеясь увидеть деревянные балки дедовского чердака и свет из круглого окна.

Ничего не изменилось. По-прежнему серая хмарь, вонь и холод. Волевое усилие, которое обычно помогает проснуться, здесь не работало. Меня не выбрасывало назад в реальность.

Я поднял голову и осмотрелся взглядом человека, который всю жизнь провел среди холстов и подрамников. И тут меня прошиб холодный пот. Этот мир... он был неправильным. Густой серо-желтый туман вокруг не клубился, как обычный пар, а висел плотной, почти осязаемой завесой. На стене дома напротив я отчетливо видел штрихи — глубокие, уверенные мазки, которыми была положена тень под карнизом. Дед всегда учил меня: «Тень не бывает черной, Макс, в ней всегда есть синева». И здесь, в лондонском переулке, в углах кирпичной кладки отчетливо проступал ультрамарин. Я провел ладонью по стене, за которую держался. Кирпич на ощупь был ледяным, но его текстура казалась слишком идеальной, маслянистой, словно под пальцами была не вековая глина, а высохший лак. «Этого не может быть, — пульсировало в висках. — Я внутри полотна. Я внутри чертовой картины».

Ткань моего желтого худи мгновенно напиталась влагой и неприятно липла к телу. В викторианском Лондоне, где даже в самые светлые дни всё было окрашено в унылые оттенки сажи и грязи, я в своей одежде выглядел как неоновый указатель. Тогда, в девятнадцатом веке, таких цветов просто не существовало — анилиновые красители еще не вошли в моду. Я буквально сиял в этой серости.

Из глубины тумана донесся тяжелый, мерный шаг. Сердце испуганно екнуло. Я вжался глубже в тень переулка. Сквозь желтоватую пелену проступил высокий силуэт мужчины в длинном темном пальто и странной, высокой каске. В руке он держал тяжелый масляный фонарь, луч от которого шарил по стенам. Констебль.

Полицейский остановился у входа в мой переулок, поднял фонарь выше, и свет мазнул по моим белым кроссовкам и яркому капюшону. На мгновение мне показалось, что он опешил от моего вида.

— Эй, ты там! А ну стоять! — крикнул он глубоким, раскатистым басом с незнакомым, резким акцентом. — Кто такой? Что на тебе надето?

Он сделал шаг в мою сторону, и его рука потянулась к тяжелой деревянной дубинке на поясе. Паника, до этого горевшая на медленном огне, вспыхнула внутри меня со страшной силой. Я не знал местных законов, не имел документов, а моя одежда кричала о том, что я здесь чужак.

Не соображая, что делаю, я рванул в противоположную сторону, глубже в лабиринт незнакомых, темных улиц. #####

Тяжёлые шаги констебля за спиной и свист его полицейского свистка больно били по ушам. Я бежал, не разбирая дороги. Лёгкие обжигало ледяным сырым воздухом, а подошвы кроссовок скользили по мокрой, склизкой брусчатке. Пару раз я едва не растянулся в лужах, пачкая джинсы в зловонной жиже трущоб.

Вокруг мелькали угрюмые кирпичные стены, глухие заборы и редкие окна, зашторенные грязными тряпками. Из тумана то и дело выныривали лица редких прохожих. Мужчины в

потрепанных котелках и женщины в темных шaliaх шарахались от меня как от чумного. Один бродяга у подворотни испуганно перекрестился, когда я пролетел мимо него в своем светящемся капюшоне. Для них я был призраком, безумцем или чернокнижником. Лондон викторианской эпохи, который на картине деда казался романтическим и загадочным, в реальности оказался холодным, вонючим и пугающим лабиринтом.

Я резко свернул направо, надеясь затеряться в тумане, затем налево... и замер как вкопанный.

Передо мной выросла глухая каменная стена, густо покрытая чёрной копотью. Тупик.

Я развернулся, чтобы побежать назад, но из-за угла уже вынырнул высокий силуэт констебля. Свет его масляного фонаря яростно выхватил моё жёлтое худы из темноты. Тяжёлая деревянная дубинка в его руке зловеще поблескивала.

— Попался, паршивец! — тяжело дыша, крикнул он и перекрыл единственный выход из переулочка. — А ну, руки за голову! Клянусь, ты у меня до утра в участке просидишь, пока не расскажешь, из какого цирка сбежал.

Сердце бешено колотилось в груди, паника окончательно парализовала разум. Мысли путались. Что со мной сделают в полиции девятнадцатого века? Запрут в психушке? Обвинят в шпионаже?

Констебль сделал шаг ко мне. Отступить было некуда — я спиной прижался к ледяным, шершавым кирпичам. Рука в паническом, чисто защитном жесте нырнула в задний карман джинсов и наткнулась на гладкое дерево.

Дедовская кисть.

Я выхватил её и выставил вперед перед собой, словно это был нож. Констебль шагнул вперед, замахиваясь дубинкой. Я в ужасе зажмурился, вжался спиной в тупик и, повинаясь дикому инстинкту, просто чикнул сухим ворсом по кирпичной стене за своей спиной — словно пытался за что-то ухватиться.

И тут же реальность под моими пальцами... поплыла. Кирпичи под кистью не крошились. Они размазались, как густой слой невысохшей масляной краски. Твердый, вековой камень поддавался ворсу, оставляя за кистью глубокую, рваную борозду, обнажившую серую пустоту.

От неожиданности я качнулся назад и... провалился сквозь эту податливую, размазанную стену.

Позади не оказалось новой улицы или двора. Я полетел спиной в абсолютную, вязкую темноту, которая пахла сырм льном и растворителем. До ушей донесся испуганный крик констебля, но он прозвучал где-то очень далеко, словно с той стороны плотного холста.

Стена за мной мгновенно сомкнулась, возвращая себе твердость. Проход исчез. Я рухнул на какой-то деревянный пол в полной темноте. Сердце колотилось в самые уши. Я сидел в неизвестности, сжимая в дрожащих пальцах кисть, на кончике которой теперь отчетливо горел слабый, фосфорический след от смазанной кирпичной краски.

До меня дошло. Этот мир не был настоящей историей. Это была чертовски огромная, гениальная картина моего деда. И я только что нарушил её границы.

#####Я сидел на корточках в этой удушливой темноте, боясь даже вздохнуть. Пахло старым деревом, пылью и сухой травой. Глаза постепенно начали привыкать к полумраку. Сверху, сквозь щели в потолке, пробивались тонкие полоски лунного света. Судя по очертаниям балок и сваленным в углу мешкам, я провалился в чей-то заброшенный каретный сарай.

— Значит, я внутри картины... — мысль казалась дикой. — Дедушка создал этот мир. А Карл знал. Карл обо всём знал!

Я попытался подняться, как вдруг из глубины склада, прямо из самого темного угла за деревянными ящиками, донесся тихий, отчетливый шорох. Будто кто-то длинным подолом черного пальто задел сухую солому на полу. Я замер, вытянув шею и боясь пошевелиться.

В темноте угла, на высоте человеческого роста, медленно зажглись два фосфорических пятна. Нет, это были не обычные глаза. Из глубоких, бездонных прорезей под полями цилиндра вырывался холодный, потусторонний изумрудно-зелёный свет. Он был настолько ярким, что прорезал ночной полумрак склада, оставляя на деревянных ящиках зловещие блики.

Человек без лица. Он был здесь. И он ждал меня.

Паника сдавила горло железными пальцами. Я хотел закричать, позвать на помощь того самого констебля, от которого только что бежал, но из груди вырвался лишь жалкий, задущенный хрип. Я попытался отползти назад, но уперся лопатками в стену.

Фигура в глубине пришла в движение. Он не шел — он скользил по полу каретного сарая совершенно беззвучно, словно под его тяжелым черным пальто не было ног. Подол его одежды мягко стелился по сухой соломе, не издав ни единого шороха. Из-под полей его щегольского цилиндра на меня по-прежнему неотрывно пялились две ярко-зелёные фосфорические бездны.

Когда он приблизился настолько, что луч лунного света из щели в потолке рассек его пополам, меня едва не вывернуло от ужаса.

У него действительно не было лица. Ни носа, ни рта, ни единой складки кожи. Абсолютно плоский, гладкий овал телесного цвета, похожий на манекен, на котором безумный творец оставил гореть лишь эти два нечеловеческих зелёных огонька. Но как художник я сразу заметил то, от чего волосы на голове зашевелились: края его безликой головы, там, где кожа соприкасалась с воротником, едва заметно дрожали и подтаивали. Мир вокруг него шевелился, словно это существо было написано свежим, еще жидким маслом, которое забыли высушить.

Существо остановилось в трех шагах от меня. От него веяло таким могильным холодом, что мое дыхание превратилось в сплошной белый пар.

Я зажмурился, судорожно сжимая в руке дедовскую кисть и приготовившись к самому худшему. Но удара не последовало.

Вместо этого раздался сухой, костяной стук. Открыв глаза, я увидел, что Человек без лица медленно поднимает руку в черной кожаной перчатке. Своей длинной тростью он указал в угол сарая — прямо на старый, обитый железом сундук, укрытый грязной рогожей.

Затем безликий джентльмен сделал едва заметное движение кистью руки — и его силуэт просто... поплыл. Черное пальто, цилиндр и зелёные вспышки глаз растаяли в лунном свете, превратившись в облако едких угольных чернил, которое мгновенно впиталось в доски пола.

Я остался в сарае один. Оглушенный, дрожащий, но живой. А в углу, куда указала трость, по-прежнему стоял сундук дедушки.

Глава 3

Я еще несколько минут сидел неподвижно, прислушиваясь к каждому шороху. Сердце постепенно замедляло свой сумасшедший ритм, но пальцы, сжимающие дедовскую кисть, онемели от напряжения. В сарае снова воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь редким писком крыс где-то под гнилыми половицами. Сгусток чернил на полу, в который превратился Человек без лица, полностью высох, оставив лишь уродливое черное пятно. Кое-как поднявшись на ноги, я почувствовал, как сильно дрожат колени. Желтое худы, насквозь пропитавшееся речной сыростью Лондона, казалось свинцовым. Я повернулся к углу, на который указала трость монстра. Обитый ржавым железом сундук выглядел массивным и чужеродным среди каретного хлама. Грубая рогожа, укрывавшая его, отсырела и пахла плесенью. Я подошел ближе и сбросил ткань. На крышке сундука, прямо по центру, красовалось выжженное клеймо — переплетенные буквы «А.В.». Альберт Вертон. Мой дед действительно был здесь. Или, точнее, он создал это место как свой тайник. На сундуке висел тяжелый навесной замок. Я уже потянулся к карману за связкой ключей, которую мне отдал Карл, но тут же остановился. Латунные ключи были от особняка в реальном мире. Подойдут ли они к нарисованному замку в мире из масла и туши? Я вытащил связку. Металл звякнул, и этот звук показался мне слишком громким в пустом сарае. Я выбрал самый маленький, потертый ключ и вставил его в скважину. К моему удивлению, он вошел идеально, но когда я попытался его провернуть, замок даже не шелохнулся. Железо было мертвым, монолитным, словно его отлили вместе с корпусом. — Черт... — пробормотал я. И тут я вспомнил, как двигалась стена под дедовской кистью. Этот мир сделан из краски. А замок — всего лишь элемент натюрморта. Я перехватил кисть поудобнее. На ее ворсе все еще слабо светился ультрамариновый след от кирпичной кладки переулка. Я поднес кончик кисти к дужке замка и осторожно, словно стирая случайную кляксу на холсте, провел по металлу. Раздался едва слышный звук, похожий на шелест разрываемой бумаги. Черная краска, изображавшая дужку замка, мгновенно размазалась под ворсом. Тяжелый железный короб просто отвалился от сундука и с глухим деревянным стуком упал в солому. На ощупь он теперь напоминал кусок подсохшего пластилина. Я глубоко вздохнул и потянул тяжелую крышку сундука вверх. Она поддалась с натужным скрипом. Внутри не было ни золота, ни старинного оружия. Там лежал лишь один единственный дневник. На самом дне сундука, обернутая в кусок толстой промасленной мешковины, лежала массивная книга в потрепанном кожаном переплете. Я бережно достал ее. По ладоням растёкся знакомый, родной запах — так всегда пахло в мастерской деда: смесью дорогого табака, льняного масла и старой бумаги. Я уселся прямо на солому под полосу лунного света и раскрыл книгу. Это был дневник. Страницы были исписаны размашистым, нервным почерком. Кое-где на полях виднелись быстрые наброски углем: лондонские крыши, силуэты конных экипажей, анатомические зарисовки рук. Я лихорадочно перелистывал пожелтевшие листы, пока мой взгляд не зацепился за свежие чернила на одной из последних страниц. Даты не было, но текст был написан так, словно дед куда-то отчаянно спешил. «Если ты читаешь это, Макс, значит, меня уже нет, а ты совершил мою главную ошибку — вошел внутрь холста. Прости, что втянул тебя в это. Но ты единственный, кто унаследовал Проводящую Кисть. Только твоя кровь может завершить то, что я бросил», — строчки слегка дрожали. Я сглотнул вставший в горле ком и перевернул страницу. Следующий разворот заставил меня похолодеть. Прямо по центру листа красовался детальный, пугающе точный портрет существа, которое я встретил минуту назад. Цилиндр, длинное пальто, тяжелая трость и абсолютно пустой, гладкий овал вместо лица. Из его глазниц на рисунке разбегались рваные черные трещины. Ниже размашистым почерком деда было выведено: «Он — это моя самая большая ошибка. Мой первый эскиз в этом мире, который я не смог стереть. Оживший черновик. Я думал, что создаю безмолвного стража для Лондона,

но краска обрела собственную волю. Он питается недописанными фрагментами холста, забирая их твердость. Он запер меня здесь на месяцы, Макс. Он ищет то же, что и ты — выход в реальный мир. Если Человек без лица найдет брешь, которую ты пробил своей кистью... он сотрет нашу реальность так же легко, как я стирал неудачные наброски». Текст обрывался на полуслове, словно деда кто-то прервал. А в самом низу страницы, будто наспех, была приписана всего одна короткая строчка: «Ищи недописанный собор. Там скрыта изнанка». Внезапно тишину каретного сарая разорвал страшный грохот. Деревянные двери склада, до этого плотно закрытые, сорвались с петель от мощного удара. — Сюда! Беглец заскочил в этот тупик, я видел, как стена поплыла! — раздался яростный крик на улице. В проеме сарая показались силуэты сразу троих констеблей. В их руках горели тяжелые масляные фонари, и их яркие желтые лучи начали слепо шарить по темноте склада, приближаясь к моему укрытию. Лучи масляных фонарей заматались по балкам сарая, как прожекторы на допросе. Один из них мазнул прямо по моей груди, и мокрое желтое худи вспыхнуло в темноте, словно сигнальная ракета. — Вон он! У сундука! — рявкнул один из констеблей, и трое мужчин бросились вперед, тяжело топая подкованными сапогами по гнилым доскам. Паника сработала как детонатор. Прижав дедовский дневник к животу, я прыгнул в сторону, за секунду до того, как тяжелая деревянная дубинка с глухим треском расколола крышку сундука. Ошметки старой рогожи и щепки полетели мне в лицо. — Назад, безумец! — крикнул я, но мой голос сорвался. Я огляделся. Единственный выход перекрыт. Лопатками я уже чувствовал хлипкую деревянную стену сарая. Сзади послышался металлический звон — констебль выхватил с пояса наручники. Выхода не было. Взгляд упал на старую вертикальную лестницу, ведущую на чердачный полуярус склада, откуда сквозь дырявую крышу пробивался лунный свет. Цепляясь свободной рукой за перекладины и намертво зажав кисть в зубах, я полез вверх. Дерево трещало, ступени прогибались под моим весом. Снизу донеслось тяжелое дыхание — один из преследователей уже схватил меня за лодыжку. — Попался! Я дико лягнул ногой назад. Подошва кроссовки врезалась констеблю прямо в жесткую кокарду на каске. Раздался глухой рык, пальцы на моей ноге разжались, и полицейский полетел вниз, увлекая за собой своего напарника. Выкатившись на трухлявые доски крыши сарая, я бросился бежать прямо по скату. Холодный ветер ударил в лицо, выбивая слезы, но то, что я увидел перед собой, заставило меня замереть на краю крыши. Лондон вокруг меня... ломался. Если в переулке дома казались осязаемыми и твердыми, то здесь, с высоты, было видно, как мир теряет детали. Соседнее здание еще имело четкие контуры окон и водосточных труб, но квартал за ним уже напоминал бледный подмалевок. Крыши дальних домов теряли объем, превращаясь в плоские серые силуэты, набросанные широкой флейцевой кистью. Огромные фабричные трубы вдали не дымили — из них торчали застывшие, кривые мазки серо-угольного мастихина, похожие на зазубренные лезвия. Земля внизу, между редкими газовыми фонарями, тонула в абсолютной, зловещей пустоте неокрашенного льна. Дед просто не успел дописать этот район. Он бросил его на стадии эскиза. — Стой, стрелять буду! — снизу, с улицы, раздался щелчок взводимого курка. Из тумана на меня смотрело дуло старинного револьвера. Выбора не было. Справа, всего в паре метров, тянулся карниз соседнего жилого дома. Плотные мазки штукатурки на нем выглядели надежно. Я зажмурился, покрепче перехватил дневник и прыгнул в неизвестность, молясь, чтобы дедушка нанес на этот холст достаточно слоев грунта. Воздух со свистом пролетел сквозь легкие. Я приземлился на покатую крышу соседнего дома, но трухлявая черепица, которая с высоты казалась твердой, на деле оказалась хрупкой, как подсыхшая гуашь. Под моим весом она с сухим треском лопнула. Я с криком полетел вниз, пробивая гнилые деревянные балки, драпку и вековую пыль. *Грох!* Спину обожгло дикой болью. Я рухнул прямо на массивный круглый стол, который под моим весом жалобно скрипнул, но выдержал. Во все стороны полетели какие-то бумаги, чернильницы и ошметки сухих холстов. Оглушенный, кашляя от поднявшейся серой пыли, я кое-как приподнялся на локтях, прижимая дедовский дневник к груди. — Ради всего святого!

Вы что, с неба свалились?! — раздался испуганный женский голос из глубины комнаты. Я проморгался. Это была небольшая уютная мансарда, заставленная мольбертами, подрамниками и банками с растворителями. У окна, сжимая в дрожащей руке тонкую кисть-колонков, стояла девушка лет двадцати. На ней было запачканное краской рабочее платье викторианской эпохи, а каштановые волосы были небрежно заколоты палитрой прямо на затылке. Ее большие карие глаза испуганно округлились, когда она перевела взгляд с дыры в потолке на мое ярко-желтое худы. — Я... я прошу прощения за потолок, — прохрипел я, сползая со стола. — За мной гонится полиция. — Полиция? — девушка нахмурилась, сделав шаг назад и выставив кисть вперед, словно рапиру. — Кто вы такой? Что это за шутовской наряд? В моем квартале констебли не появляются, если только... Погодите. Она замерла, вглядываясь в мое лицо, а затем перевела взгляд на старую деревянную кисть, которую я все еще сжимал в руке. Ее дыхание перехватило. — Эта кисть... — прошептала она, и гнев в ее голосе сменился изумлением. — Вы Вертон? Вы внук Альберта? — Откуда... откуда вы знаете дедушку? — я насторожился, пряча руку с кистью за спину. — Он создал меня, — просто ответила она, опустив свою кисть. На ее губах появилась горькая усмешка. — Точнее, он начал меня писать. Меня зовут Элиза. Я должна была стать главной героиней его лондонского романа, но старик Вертон бросил эту картину полгода назад, когда из углов полезла чернота. За окном мансарды снова раздались пронзительные свистки констеблей. На этот раз они были совсем близко. Лучи их фонарей заскользили по разбитому потолку. — Они окружают дом, — Элиза резко подбежала ко мне и схватила за рукав худы. — У нас мало времени. Если они найдут тебя с дедовской кистью, Человек без лица сразу узнает, где ты. И тогда этот город сотрется окончательно. Идем! Снизу, с лестничного пролета, донесся тяжелый треск — констебли начали выбивать входную дверь дома. Элиза среагировала мгновенно. Она подскочила к старому деревянному сундуку, стоявшему у стены, и выудила оттуда тяжелый, пахнущий сырой шерстью темно-серый дорожный плащ. — Накинь быстро, — приказала она, швырнув плащ мне в руки. — Твое худы в здешней темноте горит как факел. Констебли слепы к деталям, но такое «пятно» они увидят даже сквозь лондонскую хмарь. Я на ходу набросил плащ на плечи, спрятав под него капюшон, и застегнул массивную пуговицу у горла. Ткань оказалась жесткой и колючей, но внутри нее я сразу почувствовал себя... незаметнее. Словно слился со стенами мансарды. — А теперь за мной, пока они не поднялись, — Элиза скользнула к противоположной стене. Там стоял огромный, покосившийся дубовый шкаф, заставленный пустыми подрамниками. Девушка уперлась ладонями в его боковину. К моему удивлению, тяжелая мебель сдвинулась абсолютно беззвучно. Но за шкафом оказалась не кирпичная кладка, а то, от чего у меня перехватило дыхание. Там зияла серая, рваная пустота. Стена дома просто обрывалась. Сквозь прореху была видна текстура грубого холста, а вместо соседних зданий тянулись лишь смазанные, грязные мазки белил и сажи. — Это граница подмалевка, — шепнула Элиза, увлекая меня за собой прямо в эту серую неизвестность. Мы скользнули в щель, и шкаф за нашей спиной сам встал на место. Мы оказались на узком, едва намеченном карнизе, который тянулся над бездонным серым туманом. Ноги ступали по плоской, едва затвердевшей поверхности. Нам приходилось идти, прижавшись спиной к недорисованным стенам. — Объясни мне, что происходит! — не выдержал я, стараясь не смотреть вниз. — Дед написал тебя... но ты живая? Ты всё понимаешь? — Твой дед был гением, Макс, но он заигрался в Бога, — Элиза шла впереди уверенно, ее заляпанный подол мягко шуршал по недописанному камню. — Он хотел создать безупречный, живой мир. Прописал каждую деталь, дал нам характеры, воспоминания, судьбы. Но краска — капризный материал. Когда он начал прорисовывать Человека без лица, что-то пошло не так. Старик Вертон вложил в него слишком много темных мыслей. Твой дед ведь тоже был в глубоком кризисе, когда писал этот Лондон. — И черновик ожил? — догадался я, вспоминая портрет в дневнике. — Хуже. Он обрел волю, но остался незаконченным, — Элиза на секунду обернулась, её карие глаза блеснули в полумраке. — Ему физически больно от своей незавершен-

ности. Из-за этого он начал пожирать этот мир изнутри. Он запер твоего деда здесь, требуя, чтобы тот дописал ему лицо, дал ему имя, сделал полноценным. Но Альберт испугался. Он понял, что если этот монстр станет осязаемым, он убьет своего создателя и выйдет наружу. Дед сбежал, заблокировав проход. И Человек без лица ждал. Ждал того, у кого в руках окажется Проводящая Кисть. То есть — тебя. — Зачем я ему? — Чтобы ты закончил работу деда. Или чтобы забрать твою кисть и самому прорубить брешь в твою реальность. Мы свернули за угол плоского, как картонка, здания, и впереди, сквозь клубы угольного тумана, показался массивный силуэт. Это было колоссальное готическое сооружение со шпилями, уходящими в небо, но его правая половина и главный купол... отсутствовали. Вместо них в воздухе зависли рваные, полупрозрачные линии карандашного наброска. — Недописанный собор, — прошептал я, вспомнив строчку из дневника. — Да, — тихо ответила Элиза, останавливаясь у края карниза. — Это сердце картины. Дед заложил выход именно там, на самом верху, где холст еще чист. Но подобраться туда будет непросто. Человек без лица знает, что ты здесь. Он уже ищет тебя по запаху свежего масла.